

Светлана Титус

Чудские страдания

<https://litres.ru/74520683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Псковщина, 15 век. Рыбак Онисим любит Марьяну, но живёт с нелюбимой Дарьей. Годы спустя Марьяна возвращается вдовой. И между ними вспыхивает запретная связь.

Повесть о любви, грехе и милосердии.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Чудские страдания

Глава

Первая часть. Кочетник.

Ветреный день клонился к вечеру, когда Онисим, по прозвищу Кочетник, вытаскивал свой челн на песчаный берег Чудского озера. Рыба шла плохо — в вершу попалась лишь пара небольших окуней да щуренок, а это не тот улов, чтобы прокормить семью до конца седмицы.

— Опять ветер сносит сеть, — проворчал он, сматывая мокрые бечевки.

На Псковщине в XV веке вода кормила не хуже пашни. Реки и два великих озера, Чудское и Псковское, были кормильцами для многих деревень. Богатство этих вод, где основными промысловыми рыбами считались щука, окунь и лещ, издавна кормило местных жителей. Особенно славился здесь снеток — мелкая, но жирная рыбка, которую сушили и возили на продажу.

И не только рыба была важна. Сами угодыя ценились на вес золота. По Псковской Судной грамоте, рыболовные участки и «исады» (места для ловли) охранялись законом не хуже княжеских земель, и за ловлю в чужом тоне полагалась строгая расправа.

Онисим знал это лучше других. Он был кочетником —

рыболовом, зависимым от хозяина, как изорник зависел от пашни . Но и он не имел права: не мог уйти от господина без выплаты всех долгов.

— Эй, Онисим! — раздался голос с берега. Это подходил Гаврила, старый рыбака с Талабских островов.

— Слышал, князь намедни судился с посадником за ловы на реке Великой. Решили миром, как по старине .— А то, — хмыкнул Онисим. — У нас вся грамота о том: где ловить, кому платить, как делить. «А запрется изорник... или кочетник... сразу по святому писанию судят, как по Псковской грамоте .

Онисим оглянулся на озеро. Мутные воды Чудского скрывали древнюю рыбу — карпа, кости которого рыбаки находили на стоянках предков . Здесь рыбачили испокон веков, и каждая семья знала свои приметы.

Нельзя было выходить на промысел в новой одежде — прогневаешь водяного! Да и возвращаться с полпути считалось дурным знаком .

— Ладно, Гаврила, — вздохнул Онисим, перекидывая улов через борт челна. — Собирай мужиков. Завтра с рассветом пойдем на окуня, пока ветер стих. Может, Бог и даст рыбу на прокорм.

С этими словами он поправил кожаный пояс, на котором висели грузила и острога , и направился к деревне, где его ждали домашние. В XV веке рыбалка на Псковщине была не просто промыслом, а укладом жизни — суровым, трудным,

но неизменно кормящим тех, кто знал её законы и умел её ждать.

В ту ночь Онисим не спал. Не из-за ветра, что рвал соломенную крышу, и не из-за плохого улова. В ушах всё ещё звенел смех — звонкий, как плеск весенней воды, — который он слышал днём у колодца.

Смеялась Марьяна, молодая вдова, жившая через два двора. Муж её пропал три года назад в ливонском набеге, и с тех пор она одна тянула хозяйство — тощая, быстрая, с вечно растрёпанной русой косой и глазами цвета осеннего Псковского озера. Онисим сторонился её, как осерчавший бык сторонится красной тряпицы. Ему, крепкому мужику за тридцать, отцу двоих детей, было стыдно своего желанья.

Всё началось на Петров день. Мужики со всей деревни вытаскивали рыбу на берег, и Марьяна пришла помогать — не просить, а брать свою долю, как и положено вдове по местному обычаю.

Она закатала рукава по локоть, и Онисим увидел её руки — не девичьи, с цыпками от соли и воды, но сильные. Пока другие бабы охали и крестились на улов, она молча разбирала сеть, ловко отцепляла окуней и клала в плетённый короб.

Онисим стоял по колено в воде, держа челн, и не мог отвести глаз. Она почувствовала, обернулась, усмехнулась:

— Что застыл, Кочетник? Аль рыбу не видал?

— Видал... — выдавил он, чувствуя, как кровь бросается в лицо. — Ты, Марьяна, завсегда тут? У чужих тоней?

Она подошла ближе, и он уловил запах — не бабий, не ладанный, а резкий, солёный и горьковатый, от дыма и мокрого льна.

— А ты, Онисим, завсегда чужое добро считаешь? — тихо спросила она. — Или моё приглянулось?

Он промолчал, но тогда, у воды, впервые за много лет почувствовал, как дрожит рука, держащая весло.

Теперь же, лёжа на жёсткой лавке, он ворочался. Рядом посапывала жена — дородная, сварливая Дарья, которая ворчала на него за каждый пустой горшок. Онисим знал: она насквозь видит его мысли. Как-то, неделю назад, она метнула в него ухватом со словами: «Загляделся на вдовушку-то? Поглядывай, Псковская грамота тебе не простит, коли я на суд княжий пойду — за прелюбодеяние-то не похвалят» .

Он закрыл глаза и видел Марьяну — не в сером вдовьем платке, а так, как однажды утром на реке: она мылась у берега, не зная, что он из-за кустов смотрит. Вода стекала по обнажённым плечам, коса змеей лежала на спине, и он, старый рыбарь, молился — не Богу, а ей, мысленно: «Господи, яко снеток в мутной воде, так и я в тебе тону».

На следующий день Онисим пошёл не на окуня, а в лес, будто за корой для лодки. Но дошёл до её избы. Постучал. Открыла она — с лукошком в руках, будто собиралась за ягодами.

— Чего пришёл, Кочетник? — спросила без страха, но голос стал тише обычного.

— Рыбу принёс, — выдохнул он, протягивая связку окуней. — Щук не дам — они на продажу, а окунь... для ухи. Хороший.

Она не взяла, а взяла его за руку — сухую, шершавую ладонь. Онисим вздрогнул, будто коснулся не воды, а огня.

— Мне уха от тебя не надобна, Онисим, — сказала она тихо, почти шепотом. — Ты, гляди, от своих тоней не отходи. А то и я пропаду, и ты.

Она отпустила его руку, и он пошёл прочь — тяжело, будто нёс на плечах мокрые сети с целым озером.

Вечером, за ухой, жена подала ему хлеб, и он неожиданно сказал:

— Дарья, я завтра на дальнее озеро пойду. Там леща обещали.

— Врёшь, — бросила она, не глядя. — Но ступай. Мне твои глазищи пустые надоели.

Онисим ушёл на три дня. А когда вернулся — узнал, что Марьяна уехала. Говорили, в Псков, на подворье к дальней родне. Старый Гаврила хмыкнул:

— Сама упросилась, говорят. Сказала: «Здесь ветер не тот, и вода мутится. Не ко двору мне».

Онисим не ответил. Он молчал два дня, а на третий взял сети и пошёл к воде. Перед самым закатом он нашёл на берегу, под корягой, сухой ивовый прутик, сломанный пополам — так гадали девки на суженого в старину. Он поднял его, хотел выбросить, но положил за пазуху, туда, где билось

сердце.

С той поры Онисим перестал смотреть на озеро как на кормилицу. Оно стало для него горьким, как невыпитая слеза. И каждую ночь, закидывая вершу, он шептал в воду одно и то же имя — не Богу, не духу, а уходящему течению, что уносило его надежду к псковским пристаням.

Вторая часть. Свадьба.

Онисим женился на Дарье в лето 6985-е от сотворения мира — по-нашему, в 1477 год — когда ему минуло девятнадцать, а ей двадцать два. Сватали его не по любви, а по нужде и по расчёту, как это сплошь и рядом водилось на Псковщине в те годы. И вот как это было:

Хозяин решил — рыбак женился! Онисим тогда был ещё не самостоятельным хозяином, а кочетником — работником при рыболовной тоне, что держал старый Игнат по прозвищу Судак, богатый мужик из соседней деревни. По Псковской Судной грамоте кочетник сидел на земле господина и без его воли шагу ступить не мог: ни уйти, ни жениться, ни хозяйство завести. Игнат был человеком крутым, но справедливым: кормил, одевал, долю с улова давал. И однажды позвал Онисима к себе.

— Слушай, парень, — сказал он, не глядя, чистя кинжалом ногти. — Работаешь ты третий год, и нехудо работаешь. Но одному тебе не прокормиться: ни избы, ни бабы, ни коровы. Возьмёшь Дарью, вдову Кузьмы-бочара. Она хозяйка справная, двор есть, корова есть. А мне спокойнее: будешь

при тоне, не сбежишь.

Онисим опешил. Дарью он знал — видел на озере, когда бабы приходили помогать тянуть сети. Крупная, плечистая, с грубыми руками и громким голосом. Не то чтобы уродливая, но не девица-красавица, а вдова с двумя детьми от первого мужа. И лицом не вышла, и нравом крута. Не по сердцу она была Онисиму — да кто его спрашивал?

Сговор

По обычаю, сговоры устраивались на третью неделю после Пасхи — «на Красную горку», когда весенняя вода сходила и можно было выходить на промысел. К Онисиму в избу пришли родня Дарьи — старший её брат Фрол с женой, да сам Игнат Судак с сыном. Сели за стол, выпили по чарке меда, и Фрол сказал прямо:

— Дарья — баба работающая. Двоих подняла, корову доит, лён ткёт, рыбу солит. Тебе, Онисим, кроме рук да челна, и нет ничего. Мы тебе двор, а ты нам — защиту и кормильца. По рукам?

Онисим смотрел в стол. Хлебнул квасу. Вспомнил, как в прошлом году на Ивана Купалу видел у реки Марьяну — тонкую, звонкую, с косой до пояса. Она тогда смеялась и плела венки. Ему было шестнадцать, ей четырнадцать. Он не посмел подойти. А через год её отдали за другого — за вдового кузнеца из-за Великой. А ещё через два года кузнец сгинул в ливонском набеге, и Марьяна вернулась в деревню — уже вдова, с младенцем на руках. Онисим тогда хотел к ней по-

свататься. Но Игнат сказал: «Нечего тебе, кочетнику, за вдовой без двора бегать. Бери ту, кто с хозяйством».

— Согласен, — сказал Онисим. И не поднял глаз.

Свадьба была по-псковски строгая и короткая: венчание в церкви, потом пир в избе Дарьи. Приданое — корова, два сундука с добром, лён, прялки, посуда.

Первая ночь после свадьбы вышла не такой, как в песнях поют. Ни тебе шуток, ни смеха, ни пряника медового, которым молодых потчуют.

Пир отшумел к вечеру. Гости разошлись, кто в чём был: Фрол с женой ушли к себе, Игнат Судак хлопнул Онисима по плечу так, что заныла ключица, и сказал на прощание:— Ну, Кочетник, теперь ты не просто рыбак. Теперь ты — хозяин. Гляди, не осрамись.

Дверь за ним закрылась, и в избе стало тихо. Дарья убирала со стола — молча, не глядя на мужа. Стучала плошками, складывала хлеб в дежу, тушила лучину. Дети её, семилетний Ефимка и пятилетняя Агафьица, уже спали на полатах, укрытые тулупом. Онисим сидел на лавке, не зная, куда деть руки. Ладони были мокрые — не от бани, а от волнения. Он чувствовал себя не мужем, а мальчишкой, которого впервые поставили на тоню и велели тянуть невод наравне со взрослыми.

— Чего сидишь? — сказала Дарья, не оборачиваясь. — Постелю стелить надо.

Она развязала платок, сняла повойник — чёрный, вдовый,

который носила три года. Под ним волосы были туго заплетены в две косы и уложены венцом. Она распустила их — и они упали на плечи тяжёлые, тёмно-русые, с проседью у висков. Ей было двадцать два, но замужество и вдовство уже успели тронуть её серебром.

Онисим встал. Подошёл. Не знал, что сказать. В горле стоял ком — то ли от медовухи, то ли от тоски. Он хотел бы сейчас быть на озере, в челне, среди тумана и тишины. Где угодно, только не здесь, где надо было стать мужем женщине, которую он не выбирал.

Дарья постелила на лавку — не на полати, где дети, а внизу, у печи. Рядно, солому, сверху — вышитое покрывало, которое осталось от первого мужа. Она села на край, сложила руки на коленях и посмотрела на Онисима прямо, без стыда и без нежности.

— Иди сюда, — сказала она просто.

Он подошёл. Сел рядом. Она взяла его руку — грубую, в мозолях от вёсел, — и положила себе на грудь. Под рубахой билось сердце, ровное и тёплое. Живое. Онисим вздрогнул — не от страсти, а от неожиданности: он думал, что она холодная, а она была тёплая.

— Не бойся, — сказала Дарья. — Я не кусаюсь.

Он хотел ответить, но язык не слушался. Она погасила лучину. В темноте стало легче — не видно было её лица, не видно было её глаз, в которых он боялся прочесть укор или насмешку. Только дождь стучал по крыше, только сверчок

за печью пел свою бесконечную песню, только дети сопели на полатах.

Они легли. Она была широкая, тяжёлая, тёплая — как печь зимой, к которой прислоняешься, чтобы согреться. И Онисим, обняв её, вдруг понял: это не любовь. Но это — тепло. А тепло тоже чего-то стоит, когда за окном дождь и озеро холодное, как смерть.

Он закрыл глаза. И в темноте, за закрытыми веками, увидел другое лицо — тонкое, с косой до пояса, с глазами цвета осенней воды. Марьяна. Ей было четырнадцать, она плела венок на берегу. Она смеялась. Она ещё не знала, что через год её отдадут за кузнеца. Она ещё не знала, что через два года она овдовеет. Она ещё не знала, что через три года вернётся — и найдёт его женатым на другой.

Онисим закусил губу. Прижал Дарью крепче — не от нежности, а чтобы прогнать видение. Она вздохнула во сне, положила руку ему на грудь. Её ладонь была тяжёлая, как весло.

— Спи, — пробормотала она сквозь сон. — Завтра на тоню с утра.

Он лежал с открытыми глазами до самого рассвета. Слушал дождь. Слушал сверчка. Слушал, как бьётся её сердце — ровно, спокойно, как вода у берега в безветренный день. И думал: «Вот и всё. Теперь я женат. Теперь у меня есть двор, корова, двое чужих детей и жена, которую я не люблю. А та, которую люблю, — за рекой, в чужой избе, с чужим ребён-

ком на руках. И между нами — не вода, а вся жизнь».

Дарья оказалась не злой, но холодной. Она стряпала, стирала, пряла, доила корову, помогала на тоне — словом, тянула всё хозяйство. Но между ними не было ни ласки, ни смеха, ни разговора по душам. Она называла его «хозяин», а он её — «жена». Спали под одним одеялом, но как два работника на одном дворе.

Иногда, после бани, он смотрел на неё — распаренную, покрасневшую, с распущенными волосами. Она была не хуже других баб. Но в душе поднималась тошнота, будто съел сырой рыбы. Не её вина, не его вина — так вышло. Связали их не поп и не Бог, а нужда и хозяин.

А когда вернулась Марьяна — та самая, с венком, с глазами цвета осеннего озера, — Онисим понял, что зря надеялся: ничего уже не исправить. Венчание — не сеть, не распускаешь. Псковская грамота строга: за прелюбодеяние судят, а развод бывает только в двух случаях — если жена изменит или если уйдёт в монастырь по обоюдному согласию.

Так и вышло: любил он одну, а жил с другой. И каждую ночь, засыпая рядом с Дарьей, слушал её дыхание и шептал в подушку имя Марьяны — тихо, чтобы не услышала ни жена, ни сверчок за печью, ни сам Бог.

часть третья. Марьяна.

Три дня Онисим собирался. Три дня Дарья молча метала на него косые взгляды, но не перечила — знала, что мужа

не удержать, когда он решил, словно закинул невод и тянет до последнего. На четвёртый день, ещё затемно, он закрепил на поясе кисет с сушёной рыбой, перекрестился на образа и вышел из избы.

Дорога от Чудского берега до Пскова была неблизкой — через топи и перелески, мимо сёл, где чужая речь звучала резче псковской. Но Онисим шёл споро, привычно переставляя ноги в лаптях. Мысль о ней гнала его вперёд, как попутный ветер гонит парусную ладью. В ушах всё звучало: «Сама упросилась... Сказала: вода мутится». Вот только какая вода мутится — в озере или в душе человеческой, он не ведал.

Во Псков он вошёл на закате, когда солнце золотило купола Троицкого собора, а городской торг уже затихал. Рыбаки с Чудского знали здесь каждую пристань, но Онисим не был в городе лет десять. Всё изменилось: новые дворы, высокие заборы, снующие по улицам боярские отроки. Он остановил первого встречного — тощего посадского с узлом за спиной.

— Слышь, добрый человек, где тут двор, где вдовы-псковитянки живут? Родня мне одна, Марьяной звать, из-под Чудского приехала недавно.

Посадский глянул на него с подозрением — грязный, пропахший рыбой и болотом, но в глазах тоска такая, что смягчился.

— Ищи на Запсковье, — махнул рукой. — Там приют для вдовьего люда, у церкви Козьмы и Демьяна. Только не сыщешь ты её, коли она в подворье живёт — там бабы глухие,

к чужим не пускают.

Онисим поблагодарил и двинулся вдоль Великой, мимо лодок, привязанных к деревянным причалам. Вода в реке пахла тиной и жизнью — так же, как когда-то вода у его родного берега. Он шёл и думал: что скажет ей? Что бросил семью? Что готов уйти от Дарьи? Но с первого же дня он знал — не уйдёт. Псковская грамота строга: кто бросает жену без её вины, тот платит в казну и посаднику, да ещё и душу губит. И как кочетник, зависимый от хозяина, он не мог просто так отринуть свой двор, свою землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.